Глава 25

Третья сессия десенсибилизирующей терапии Бо Юя началась раньше срока, по независящим от него обстоятельствам.

За дверью туалета.

Соседняя комната оказалась пустой аудиторией.

Низкие парты и стулья были свалены в углу, а рядом с выключенным кондиционером громоздились большие и маленькие картонные коробки.

Некоторые из них были открыты.

Из одной коробки высовывался край выброшенного красного баннера, а не до конца отмытые кисти оставили вокруг грязные пятна.

Похоже, помещение недавно использовалось как склад для праздничных принадлежностей.

Тот, кто пользовался им, был небрежен и не запер одну из дверей.

Шэнь Гужо, заперев дверь изнутри, оказался в полумраке. На ощупь он стал искать выключатель на потолке.

Дыхание его было ровным, но сердце почему-то стучало немного быстрее.

Особенно когда он нащупал выключатель и раздался щелчок. Его сердце вздрогнуло и тяжело ухнуло.

В аудитории не было полного освещения. Даже когда он нажал на все выключатели, загорелась лишь одна лампа.

Белый рассеянный свет слабо освещал лишь небольшой уголок комнаты, большая часть пространства тонула в хаотичной темноте.

Нагромождение вещей мешало обзору.

Шэнь Гужо, поджав губы, обвёл аудиторию мерцающим взглядом и бесшумно подошёл к коробкам.

Он редко брал чужие вещи без разрешения.

Но сейчас, в порыве эмоций, он даже не подумал об этом.

Сняв с высоты коробку, он не стал трогать запечатанные.

Он встал перед открытой коробкой и начал искать что-нибудь, чем можно было бы связать человека.

Именно об этом попросил его Бо Юй, когда он нашёл его в туалете.

Шэнь Гужо достал из коробки цилиндрический предмет толщиной со скалку и положил его на запечатанную коробку рядом.

За ней, на низкой парте, сидел Бо Юй.

Он прислонился спиной к стене, его подбородок был слегка приподнят, обнажая уязвимый мужской кадык, который время от времени подрагивал. Губы его были приоткрыты в тяжёлом дыхании, а кончик языка то и дело мелькал между ними.

Одна нога была согнута. Рука, та самая, которую уже не раз травмировали, безвольно лежала на колене, запястье свисало, а сжатые в кулак пальцы мелко дрожали.

Непонятно было, от боли в руке или от невыносимого состояния всего тела.

Шэнь Гужо только что положил своего большого коричневого медведя рядом с Бо Юем.

Тот сейчас полулежал на плюшевой игрушке, словно опираясь на неё, чтобы не упасть с низкой парты.

Он не мог разглядеть выражения лица Бо Юя, но, слыша его всё более учащённое дыхание, ускорил поиски.

Шэнь Гужо серьёзно перерыл две коробки и, наконец, в третьей нашёл то, что, казалось, могло подойти — рулон розовой шёлковой ленты.

Он схватил ленту и подошёл к Бо Юю. Приблизившись, он смог разглядеть его состояние и выражение лица.

Рана на руке не была слишком глубокой от ногтей, и кровь на порезах уже запеклась.

Но бесчисленные красные царапины на чистой коже выглядели ужасающе.

Тяжёлое дыхание отдавалось в груди.

Белая рубашка от костюма то натягивалась, то ослабевала, прилипая к телу и отстраняясь от него.

Глаза парня потускнели, погрузившись в глубокую тьму, которая, казалось, постепенно поглощала его. Белки были испещрены красными сосудами, а холодная отстранённость сейчас рассыпалась на куски.

По сравнению с их предыдущими контактами, сейчас Шэнь Гужо казалось, что стоит лишь слегка прикоснуться к этому человеку, и он рассыплется, как стекло.

Что же сделали с ним те, кто его преследовал?

Когда Шэнь Гужо нашёл Бо Юя в кабинке туалета и тот открыл ему дверь, ему на мгновение показалось, что тот пережил не игру в догонялки, а смертельную схватку, в которой едва не лишился жизни.

Лицо Бо Юя было смертельно бледным, глаза налиты кровью, из раны на руке капала кровь, а на полу виднелись кровавые следы.

Кабинка туалета стала для Бо Юя последним убежищем, но появление Шэнь Гужо нарушило его.

Тот не мог отличить друга от врага. Словно дикий зверь, движимый лишь инстинктами, он посмотрел на Шэнь Гужо так, что тот подумал, что его сейчас разорвут на куски.

В тот момент он даже испугался и отступил на два шага.

Пока Бо Юй дрожащим голосом не позвал его: «Учитель Шэнь».

Всегда спокойный и рассудительный, заставляющий забыть о его возрасте, парень сейчас предстал перед ним с такой осязаемой хрупкостью.

Шэнь Гужо вдруг резко осознал, что перед ним Бо Юй — тот, кто младше его, ненамного старше его брата.

В его возрасте, как бы он ни вращался в деловых кругах, пережив обиду, он всё равно хоть на короткое время, но не сможет скрыть свою настоящую боль...

Мысли вернулись в настоящее.

Шэнь Гужо подошёл к низкой парте, невольно сжимая в руке ленту.

Но та хрупкость в Бо Юе исчезла так же быстро, как и появилась, словно это была лишь иллюзия.

Сейчас парень, превозмогая телесные муки, сохранял остатки разума, демонстрируя твёрдое намерение следовать соглашению и не совершать необдуманных поступков.

Боясь повлиять на состояние Бо Юя, Шэнь Гужо очень тихо и осторожно спросил:

— Бо Юй… я нашёл рулон ленты, она подойдёт?

— …Да.

Глаза Бо Юя полуприкрылись. Хриплый, словно скрежет песка о камни, звук донёсся до ушей Шэнь Гужо.

Шэнь Гужо молча смотрел на человека на парте, и беспокойство невольно отразилось в его глазах.

Бо Юй механически выпрямился, отстранившись от стены. Опустив голову, он выпрямил ноги и руки.

Затем он сам завёл руки за спину, сжал их в кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

Губы его с трудом растянулись в слабой улыбке.

Даже в таком состоянии Шэнь Гужо услышал от Бо Юя вежливую просьбу.

— Учитель Шэнь, прошу… свяжите меня.

Возможно, из-за предыдущих объятий или потому, что терапия дала определённый эффект, на этот раз Шэнь Гужо, вопреки порывам другого, не был в панике заключён в объятия.

Впервые они могли вот так, лицом к лицу, обсуждать, что делать дальше.

Шэнь Гужо подошёл ближе. Колени упёрлись в парту, и он остановился. Лента в его руках размоталась, и её остаток соскользнул на пол.

У него не было опыта в связывании, но он помнил, как в июне на выставке видел Бо Юя связанным в съёмочной комнате.

Память была свежа, и он запомнил, в каких местах верёвки сковывали тело Бо Юя.

Шэнь Гужо опустился на одно колено на парту и слегка наклонился.

Чтобы Бо Юй, потеряв рассудок, не сорвал всё в последний момент, он старался по возможности использовать только ленту, не касаясь его кожи.

— Бо Юй, я начинаю, — тихо предупредил Шэнь Гужо.

Голос молодого человека внезапно прозвучал у самого уха. Шея Бо Юя мгновенно напряглась. Тёплый, чуть горячий тон голоса опалил пульсирующую артерию. Дыхание его участилось, и он отвернулся в другую сторону.

Натянув до предела дрожащую струну в своём сознании, он, словно идя на смерть, выдавил из себя «угу».

Шэнь Гужо опёрся на руки и, обойдя Бо Юя сзади, начал связывать его запястья, осторожно обмотав их три раза.

Гладкая поверхность ленты была лёгкой, как пёрышко. Ощущение на коже отличалось от щекотки во время приступов тактильного голода, но руки Бо Юя всё равно дрогнули.

Внезапно лента натянулась. Зрачки Бо Юя слегка сузились, сердце на мгновение замерло, а затем начало хаотично биться.

В отличие от прочных верёвок, шёлковая лента при натяжении сжималась в тонкую полоску.

Шэнь Гужо смотрел, как нежно-розовая лента, стянувшись, превратилась в тёмно-розовый жгут на запястьях Бо Юя. Ещё одно усилие — и она врежется в кожу.

— Бо Юй, так... тебе не больно? — не удержался он, прежде чем продолжить.

Бо Юй закрыл глаза и, сдерживая дыхание, ответил:

— Нет.

Шэнь Гужо пришлось продолжить. Он встал на колени на парту, выпрямился и перекинул ленту через плечи Бо Юя вперёд, избегая раненой руки, пропустил под мышками и обвёл

вокруг тела.

Бо Юй не открывал глаз, но тень молодого человека плясала на его веках.

Ноздри заполнил приятный запах его тела, который, однако, действовал как дурман, как яд. Он чувствовал, но не мог коснуться. Дыхание его становилось всё более прерывистым, кожа горела от нестерпимого желания, боль становилась невыносимой, и он мелко задрожал.

Натянутая лента уже обвивала верхнюю часть тела Бо Юя. Рубашка смялась, обрисовывая под собой рельеф мышц. Пуговицы на расстёгнутом вороте, казалось, вот-вот оторвутся от любого прикосновения.

В глазах Шэнь Гужо Бо Юй сейчас был похож на персонажа из одной из тех манг, что Чэнь Юй прятал в своём шкафу, — от него невозможно было оторвать взгляд, но в то же время было страшно смотреть.

Единственное отличие заключалось в том, что он не видел лица Бо Юя. Тот всё время держал голову опущенной, скрывая своё выражение.

— Бо Юй, — тихо спросил Шэнь Гужо, дёргая ленту, — ниже нужно связывать?

Измученный пыткой, понятной лишь ему одному, Бо Юй, с шумом в ушах, с трудом расслышал слова молодого человека и, напрягая мышцы, пошевелился.

Он почувствовал, что лента натянута и так просто её не порвать.

Тяжело сглотнув, Бо Юй хрипло и медленно произнёс:

— Найди, к чему… привязать.

Рядом с низкой партой громоздились стулья и столы. Шэнь Гужо привязал оставшийся конец ленты, завязанной намертво, к ножке самого нижнего стола.

— …Готово.

Связав Бо Юя, Шэнь Гужо растерянно замер, не зная, что делать дальше.

Судя по виду Бо Юя, приступ тактильного голода у него уже начался из-за контакта с посторонними.

Нужно ли ему ещё что-то делать, чтобы спровоцировать симптомы?..

Однако ему не пришлось спрашивать. Бо Юй, снова откинувшийся к стене, дал ему ответ.

Лента давила, и каждое слово, срывавшееся с его губ, сопровождалось прерывистым дыханием и паузами от боли.

— Отвернись… отвернись.

— Хорошо, — сказал Шэнь Гужо. Ему показалось, что большой коричневый медведь рядом с Бо Юем мешает, и он, пользуясь случаем, взял его на руки.

Он сел на край низкой парты, свесив ноги. Медведь сидел у него на коленях. Он оглянулся на Бо Юя.

— А потом?

— Просто сиди, — выдохнул Бо Юй.

Уже по одному его голосу Шэнь Гужо почувствовал, как ему самому передаётся частичка дискомфорта от тактильного голода. В горле стало тесно.

— Я уже сел.

— Угу… — даже в таком состоянии Бо Юй умудрялся говорить с ним ласково. — А теперь… не оборачивайся.

— Не обращай на меня внимания.

— Просто… оставь меня одного.

Это противоречило тому, что Шэнь Гужо знал о протоколе десенсибилизирующей терапии, где Бо Юя нельзя было оставлять без присмотра без определённых условий.

Но раз Бо Юй просил, он не стал задавать лишних вопросов и сделал, как тот велел.

Шэнь Гужо молча отвернулся. Он обнял большого коричневого медведя, уткнувшись подбородком в его плечо и оперевшись на него всем телом.

Мягкий мех окружал его кожу, даря ощущение тепла и лёгкой щекотки.

Он невольно задумался, может ли Бо Юй испытывать нечто подобное во время приступов

тактильного голода, и какой невообразимой болью сопровождается терапия...

Он не заметил, что в ту же секунду, как он отвернулся, Бо Юй медленно поднял голову.

Взгляд, который он обычно не смел задерживать на молодом человеке, сейчас горел огнём, словно желая поглотить его, впиться в него, наверстать всё упущенное время, когда он не мог на него смотреть.

Белокожий молодой человек утопал в коричневом мехе, что делало его кожу ещё белее.

Свет от лампы в углу, в такт дыханию Бо Юя, играл на его теле.

Полуобнажённая шея, видневшаяся из-за воротника, была такой же фарфоровой, тонкой и хрупкой, что, казалось, её можно было сломать одним движением. Прозрачная кожа, под которой, казалось, видны были сосуды и ток крови.

Словно оленёнок, прижавшийся к бурому медведю. Его изящные, стройные руки, которые недавно касались его губ и щеки.

Мягкие кончики пальцев, не знавшие грубости, скользили по его кадыку, не вызывая никакой опасности, лишь дразнящее желание, одностороннее желание обладать.

Тело его было мягким, его так легко было обнять, он не сопротивлялся, лишь цеплялся за его одежду и смотрел на него влажными, растерянными и нежными глазами.

Кровь закипела, сосуды Бо Юя расширились, и от челюсти до груди разлился багрянец.

В груди бушевал огонь. Не только поцарапанная рука, но и всё тело горело, боль пронзала каждую пору.

Перед глазами всё расплывалось, сознание затуманивалось. Единственной точкой света в этой тьме была спина молодого человека.

Бесконечная тьма, словно мириады муравьёв с острыми жвалами, набросилась на него, впиваясь в плоть, проникая в каждую пору.

Грудь его тяжело вздымалась, сердце, казалось, вот-вот вырвется из груди и взорвётся вместе с кипящей кровью.

В его сознании неконтролируемо всплывал образ молодого человека, его выражение лица, его прикосновения...

Горячее дыхание у самого уха, тихие, ласковые слова, тёплая ладонь, накрывшая его ухо, медленно скользнувшая за ухо и замершая на щеке.

Мягкие кончики пальцев очерчивали круг, переходя на шею и обхватывая её. Но симптомы тактильного голода не проходили. Мышцы на шее напряглись, вены и фиолетовые сосуды выступили наружу, боль металась по телу.

Словно очнувшись, он увидел, что реальный молодой человек просто сидит рядом, обнимая этого медведя, обнимая что-то другое.

Он не мог его коснуться, тот не смотрел на него, он не мог его получить. Тот был так далеко, предпочитая этого медведя, но не желая прикоснуться к нему.

Безумные мысли кричали в его голове.

Тело было сковано, дрожащие мышцы натягивали ленту, оставляя на коже красные следы. Боль была хаотичной, пот пропитывал ткань рубашки.

Тело не получало утешения, и мысль о том, что его бросили, возникла сама собой, насмехаясь над его несбыточными мечтами.

Шэнь Гужо не видел Бо Юя, он только слышал его дыхание, которое из учащённого и тяжёлого превратилось в дрожащее. Но Бо Юй сказал не оборачиваться, и он не оборачивался, заставляя себя игнорировать, крепко обнимая большого медведя.

Зрачки Бо Юя наполнились влагой. Тело отяжелело, не было сил даже выпрямиться, но глаза его всё ещё были прикованы к молодому человеку. Он увидел, как тот снова крепче обнял медведя.

Глаза его налились кровью, лента врезалась под мышками, и он, застонав от боли, откинулся назад. Фигура молодого человека исчезла из поля зрения.

В глазах остался лишь слабый свет от лампы на потолке, окружённый тьмой. Белки его глаз были красными, и тьма, казалось, поглощала этот свет, готовая увлечь его в бездну.

Бо Юй дёрнул руками, в его глазах застыл ужас, окутанный влагой. Дыхание стало тяжёлым. Рассудок ещё был с ним, но он готов был сейчас же удариться головой и потерять сознание.

Боль мучила его, грозя свести с ума. Темнота давила, вызывая животный страх. Он замотал головой, пытаясь отползти назад.

Лента, которой его связал молодой человек, держала его на месте.

В этот момент…

Свет от лампы полностью исчез из глаз Бо Юя, и перед ним на мгновение промелькнул образ окровавленной женщины с отрубленными конечностями.

Ужас взорвался в его сознании. Лента на запястьях в этот миг с треском лопнула. Он больше не мог сдерживать дрожь. Тело, вырвавшееся на свободу, словно утопающий, хватающийся за соломинку.

Фигура молодого человека снова появилась в поле зрения, и влага на ресницах, не выдержав, скатилась вниз.

Бо Юй протянул руку и, не раздумывая, бросился к Шэнь Гужо.

http://bllate.org/book/13661/1586176